

Православие и модернизация

**Теоретический и практический аспекты
одной идеологической дискуссии**

Владимир Павленко

В начале наступившего 2010 г. Национальным институтом развития современной идеологии (НИРСИ), функционирующим при Всероссийской политической партии «Единая Россия», был подготовлен и вынесен на суд партийной общественности аналитический материал под названием «Нравственная основа модернизации»¹. Обсужденный 13 февраля 2010 г. на закрытом заседании партийных клубов «Единой России»*, он приобрел достаточно широкий общественный резонанс из-за «утечки» как самого текста, так и информации об этом заседании в СМИ².

В ловушке противоречий: Православие vs. западничество

Знакомство с рассматриваемым документом позволяет квалифицировать его не как аналитический, а, скорее, информационный материал –

ввиду отсутствия не только выводов, но и рекомендаций, являющихся неотъемлемой и, отметим, наиболее важной практической частью любой при-

---

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. E-mail: pako-mo@yandex.ru

Ключевые слова: религиозная традиция, Православие, ценности, идеология, партия «Единая Россия», проект, историческая преемственность, патриотизм.

* Первое упоминание о внутрипартийных клубах «Единой России» относится к весне 2008 г. Главной целью создания клубов тогда декларировалось обсуждение «плана Путина» («Стратегии-2020»). Одновременно заместитель секретаря президиума Генерального совета партии Ю.Е.Шувалов, координировавший деятельность партийных клубов, продекларировал необходимость закрепления за «Единой Россией» приоритета в развитии основных идеологических направлений современности: либерализма, консерватизма, социализма, что предполагалось осуществить в рамках общей консервативной направленности. С этого времени в партии функционируют три политических клуба: Либерально-консервативный клуб «4 ноября», Центр социально-консервативной политики и Консервативно-патриотический клуб.

кладной политической аналитики. Данное обстоятельство не позволяет рассматривать «Нравственную основу модернизации» адекватной антитезой нашумевшему докладу Института современного развития (ИНСОР)³. При том, что авторы последнего – заместитель председателя Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) И.Ю.Юргенс и заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Е.Ш.Гонтмахер, по мнению большинства экспертов⁴, фактически призвали к реставрации политической системы 90-х годов.

Не исключено, что именно выдвижение такой антитезы и являлось главной задачей коллектива НИРСИ. Однако если так, то реакция на доклад Юргенса – Гонтмахера получилась не только ситуативной и поверхностной, но и непродуманной с точки зрения способов доведения ее до общественности. Создается устойчивое впечатление, что внезапное появление документа НИРСИ в «желтоватой» газете, менее других претендующей на какую-либо концептуальность, представляет собой либо достаточно неуклюжий зондаж общественного мнения, либо, если принять во внимание конспирологическую версию, вообще преследует провокационные цели, смысл которых – в превентивной дискредитации изложенных в нем идей.

По существу же, к сожалению, в отличие от «Нравственной основы модернизации», доклад ИНСОРА представляет собой законченный программный манифест. Исполненный в духе радикального либерализма, он отражает политические и, надо признать, социальные интересы определенных,

весьма влиятельных элитных групп, объединенных в рамках так называемого «креативного меньшинства»*.

Неконкурентоспособность «Нравственной основы модернизации» тем более обидна, что этот документ в гораздо большей мере учитывает именно широкие общественные интересы. Изложенная в нем позиция, вопреки непоследовательности авторов, объективно отвечает запросам российского общества, причем, всех его основных социальных страт и конфессиональных групп, но при этом явно противоречит интересам упомянутого «креативного меньшинства». Именно это обстоятельство вкупе с неоформленностью, идеологической и организационной неструктурированностью общественного запроса и позволило данному меньшинству задать тон обсуждения, подвергнув документ чрезвычайно жесткой и некритической обструкции, выдержанной в лучших традициях конъюнктурной идеологической, политической и социальной демагогии.

Иначе говоря, сопоставление документов НИРСИ и ИНСОР показывает: либералы-западники в правящей элите в очередной раз переиграли государственников не только интеллектуально, но и политически. Взять реванш последние смогут, по-видимому, лишь ужесточив формулировки, сделав их более четкими и последовательными, освобожденными от порожденной внутренней противоречивостью двусмысленности. И, главное, выработав и реализовав механизмы внесения основных идей «Нравственной основы модернизации» в общественное сознание.

Достанет ли для этого политической воли и профессионализма – отдельный вопрос. Мы же сосредоточим-

* На исключительности этого меньшинства, помимо Юргенса с Гонтмахером, сегодня настаивают многие околовластные идеологии и политтехнологи – от А.Б.Чубайса до Г.О.Павловского.

ся на том, какими именно способами данную задачу можно было бы решить. Поэтому, прежде всего, обратим внимание на некоторые из наиболее слабых и спорных, на наш взгляд, позиций представленного документа НИРСИ, в первую очередь требующих существенной доработки.

Прежде всего, «Нравственная основа...» не содержит сколько-либо серьезного анализа текущей ситуации в стране и мире, а также не апеллирует ни к российскому, ни к мировому опыту (разумеется, если не рассматривать такой апелляцией предпринимаемую попытку установить соотношение между «природно-ресурсным», «физическим» и «человеческим» капиталом).

Противоречивость документа наглядно демонстрируется попыткой соединения патриотизма, рассматривающего в сугубо западнической ценностной парадигме «общественного договора», с отечественной православной традицией, в основе которой, как известно, находится отрицающая такой договор трансцендентальная легитимация патриотизма, обеспечивающая органичную консолидацию общества и поддержку им власти.

Не усматривая этого фундаментального противоречия, авторы «Нравственной основы модернизации», по сути, пытаются соединить несоединимое.

Так, с одной стороны, проблема нравственности в документе справедливо рассматривается через призму «политической мифологии», отсутствие которой дезориентирует и дезорганизует общество, лишая его соответствующих нравственных (добавим, что далеко не только нравственных. – Авт.) ориентиров, а с другой – из перечня обозначающих эти ориентиры ценностей, приведенных в послании Президента России Д.А.Медведева Федеральному Собранию РФ за 2008 г., ав-

торами по непонятным причинам изымается, например, такая наиважнейшая как «единство культур» (ибо основу этих культур составляют, прежде всего, духовно-религиозные ценности).

Завершающий фрагмент обсуждаемого материала, ограничивающий видение проблемы модернизации одним лишь «развитием и задействованием человеческого капитала», даже не приближающийся к постановке вопроса о восстановлении утраченного в последнее двадцатилетие идеала и, главное, принципа идеальности как таковой, можно рассматривать наглядным выражением указанных противоречий. Осмысление того, что технологические инновации, как и любые другие достижения, являются лишь формой материализации общественного идеала, формирование которого как раз и является главной задачей как для НИРСИ, так и для «Единой России» в целом, по-видимому, – дело будущего. Будем надеяться, не слишком отдаленного.

Тем более что пресловутый «человеческий капитал» – это на самом деле синоним того самого «креативного меньшинства», которое превозносится идеологами ИНСОРА (и не только ими), причем, в качестве не только «двигателя модернизации», но и мозговщика «управляемой демократии».

Таким образом, главным смыслом обращения обслуживающих «Единую Россию» идеологических структур к Православию становится поиск путей и способов направления активности этого меньшинства в полезное и, вместе с тем, безопасное для государства и общества русло, исключающее повторение «перестроекных» экспериментов. Иначе говоря, «основной носитель нравственных основ модернизации» ради успеха этой самой модернизации со всей неизбежностью должен быть ограничен. По крайней мере, в политической сфере.

Вопросы вызывает и еще один весьма характерный пассаж авторов: «Исторический опыт показывает, что успешное проведение системных реформ, развитие корпоративной культуры и рост национального благосостояния напрямую связаны с сохранением прочного ценностного фундамента общества. В России в его основе лежит этика Православия, неотъемлемую часть которой составляют ценности патриотизма, соборности, служения общему благу».

Во-первых, этика Православия, как известно, в корне противоречит успешному развитию «корпоративной культуры», создавая фундамент для общественного, государственного единства, а не корпоративной фрагментации, тесно связанной с капитализмом, этика которого, как известно, еще М. Вебером вполне однозначно охарактеризована как протестантская⁵.

Во-вторых, все системные реформы в России – как успешные, так и не очень (Петр I, Екатерина II, П.А. Столыпин, В.И. Ленин) – осуществлялись за счет не сохранения, а наоборот – разрушения традиционного уклада и, следовательно, ценностного фундамента. Исключение составляет лишь И.В. Сталин, которому удалось совместить инновацию с традицией: получить из деревни трудовые ресурсы и продовольствие для индустриализации и одновременно, фактически, восстановить разрушенную капитализмом крестьянскую общину – в форме колхозов.

Таким образом, проведение успешных реформ на традиционном фундаменте Православия направляет модернизацию по пути возрождения приоритетов импортозамещающей, индустриально-аграрной (а не экспортно-сыревой) ориентации экономики, рассматривая при этом главным инновационным сектором оборонно-промышлен-

ный комплекс. Но никак не финансовый.

В-третьих, следует весьма осторожно обращаться с самим термином «модернизация», концентрируясь на технологической его стороне и жестко ограничивая сферу модернизации реальным сектором экономики. С этой точки зрения вопросы вызывает навязчиво эксплуатируемая российскими верхами, в том числе самой «Единой Россией», тема «модернизации общества». Общество нуждается в противоположном – восстановлении утраченной в условиях рынка морали и нравственности. Что и вызывает осуществленную НИРСИ апелляцию к Православию.

Если же сам термин «модернизация» рассматривается властвующей элитой неким символом, то необходима дополнительная разъяснительная работа, указывающая, что практической формулой «модернизации» является синтез идеологической традиционализации и технологического перевооружения. (Последовательность – именно такая).

Авторы документа как будто стесняются (или боятся) произнести этот вполне очевидный, буквально напрашивающийся тезис вслух.

Вообще, отчетливо наблюдаемая эклектичность «Нравственной основы...», по-видимому, в немалой степени обусловлена не только позицией руководства и творческого коллектива НИРСИ, но и сохраняющейся идеологической невнятностью и непоследовательностью самой «партии власти». Очевидно ведь, например, что провозглашенная свобода вероисповедания и выбора места жительства может быть увязана с православной традицией только в том случае, если сделать упор на «общехристианском» (экуменическом) и, шире, на «общечеловеческом» (секулярном) ее аспектах. То есть, с фи-

лософской точки зрения, на глобализаторской универсализации и унификации – абсолютизации общего и игнорировании особенного – того самого, что и составляет сущность и патриотизма как парадигмы общественно-политического развития, и акцентированного в документе «ценностного фундамента общества».

Данный подход, кроме того, входит в явное и жесткое противоречие с упоминаемым в «Нравственной основе...» принципом соборности, рассматривающим российское общество Собором как ныне живущих, так и ушедших, а также будущих поколений соотечественников.

Подчеркнем еще один важный момент, который в рамках вышеизложенного отнюдь не выглядит случайным.

Наглядным подтверждением выявленных противоречий «Нравственной основы модернизации», совокупность которых сводится к попыткам оправдания апелляцией к Православию приверженности прежним, сугубо секулярным нормам общественно-политической жизни, становится отсутствие в документе упоминания об официально провозглашенной консервативной идеологической ориентации «Единой России». Самодеятельность ли это самого НИРСИ или следствие постоянно декларируемого «европейского» характера программного консерватизма партии – не проясняется. Рискнем предположить, что наиболее вероятно второе. Ибо еще в ноябре 2009 г., в канун XI съезда «Единой России», принявшего «консервативную» партийную программу, один из ее идеологов А.К.Исаев апеллировал к консерватизму в контексте не христианской, а социальной политики, демонстрируя это на примере принятия в период правления основателя ФРГ К.Аденауэра конституции, зафиксировавшей термин «социальное государство»⁶.

Оставим в стороне незнание Исаевым того, что принцип социальности в ФРГ являлся знаменем не ХДС-ХСС во главе которой стоял Аденауэр, а СДПГ, возглавляемой убежденным марксистом К.Шумахером, а также того, что он был включен в конституцию страны вследствие внедрения англо-американскими оккупационными властями двухпартийной системы, основанной на разделении в ее рамках прежде объединенных идеологией НСДАП национальной и социальной идей. (Никому ведь не придет в голову утверждать, например, что статья о «социальном государстве» своим включением в Конституцию России 1993 г. обязана Б.Н.Ельцину!).

Куда важнее другое, а именно: консерватизм ХДС-ХСС – религиозный, христианский. Пусть и экуменический, ибо ХДС представляет большинство протестантских федеральных земель, а ХСС – католическую Баварию. Поэтому внедрение Православия в разработки НИРСИ, а через них – в партийную идеологию отнюдь не поставило бы под сомнение принцип светскости. Политика – искусство возможного, и никто не требует ревизии этого принципа – по крайней мере, на данном этапе программной эволюции «партии власти».

В пользу именно такого подхода говорят и некоторые аспекты церковной политики. Во-первых, нынешняя активность Русской Православной Церкви (РПЦ) в миру – в Российской Федерации и в стратегически важном для нас «ближнем зарубежье» – подает светским политикам, в том числе функционерам власти, не только примеры, но и определенные сигналы. Во-вторых, не следует забывать, что с 2000 г. у РПЦ имеются «Основы социальной концепции», в которых, в общем ряду порядка и правил взаимодействия Церкви и общества, прописаны и формы участия

православных в политической жизни. Включая создание внутрипартийных объединений, по сути, фракционного типа⁷.

Поэтому от увязки с некоторыми важными положениями данного документа «Нравственная основа модернизации», на наш взгляд, в практическом плане выиграла бы намного больше, нежели от использования в качестве эпиграфа одного из высказываний Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла.

Является ли указанный недостаток недосмотром, то есть, техническим просчетом авторов обсуждаемого документа, либо имеют место более глубокие причины, связанные со стремлением определенных сил в кругах, близких к «Единой России», отделить абстрактный программный консерватизм от жизненного, выраженного отстаиваемыми Православием идеалами государственного и общественного служения, – судить не беремся. Только зафиксируем, что данный вопрос также требует четкого ответа не только от НИРСИ, но и от самой «Единой России».

Нельзя не остановиться еще на одном узком месте «Нравственной основы модернизации».

В документе всячески эксплуатируются вне- и надрелигиозные категории «нация» и «национальное» – опять-таки западнические. Причем, в данном контексте они, по сути, противопоставляются – вольно или невольно – формуле «российский народ», выведенной В.В.Путиным еще на заре его президентства. Будучи, безусловно, небезупречной, данная формула, тем не менее, в гораздо большей степени соответствует интересам общественной консолидации. Являясь производным от идеологемы «советский народ», она нивелирует разрушительное, центробежное влияние межэтнических противоречий и утверждает наднациональную, а, точ-

нее, надэтническую идентичность – общенародную.

Вот, к примеру, что еще в XIX в. писал о влиянии национализма и национальных движений на государственную форму и идентичность видный русский консерватор К.Н.Леонтьев.

Во-первых: «Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации». И второе: формирование «...государственности по племенам и нациям есть ...не что иное, как поразительная по силе и ясности своей подготовка к переходу в государство космополитическое, сперва всеевропейское, а потом, быть может, и всемирное»⁸ (курс. – Авт.).

Провиденциальный характер данного вывода, предвосхитившего создание Европейского союза (ЕС) более чем за столетие, наглядно демонстрируется уже рассматривавшейся нами концепцией «еврорегионов»⁹.

Между тем, корнями она уходит в весьма специфический документ под названием «Идея мира для Европы 1944/1945» (*«Die europäische Friedensidee 1944/1945»*), вышедший из недр верховного командования СС и отражавший его политico-идеологические взгляды, сложившиеся в 1942–1943 гг. под воздействием хода Второй мировой войны. В центр этих взглядов был поставлен возврат к первоначальным программным целям национал-социализма, первый этап которого, предлагавший трансформацию режима в направлении «конституционного фюрерства», по-видимому, явился идеиной основой объединения организаторов неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. (план «Валькирия»). В этом новом политическом контексте цели войны руководством СС определялись как «...создание Европейской Конфедерации – ассоциативного и со-

циалистического сообщества народов Европы». Согласно разъяснениям, полученным от находившегося в советском плену Р.Гильдебрандта – одного из двенадцати обергруппенфюреров СС (членов «малого» или узкого круга высшего руководства ордена), имелся ввиду «...отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа и, таким образом, возвращение к первоначальной программе партии. Создание Соединенных Государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов. Подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»¹⁰.

Следовательно, «Нравственная основа модернизации» не только не предполагает ответа на этот очевидный вызов – один из наиболее серьезных, если учитывать, что концепция «еврорегионов» включает поддержку сепаратистских тенденций в Северо-Западном регионе и на Северном Кавказе, а также на Украине и в северном Казахстане, но и усугубляет создаваемую ими угрозу.

Альтернативой категориям «нация» и «национальное», как мы уже отмечали в связи с формулой В.В.Путина «российский народ», являются категории «народ» и «общенародное». Ибо они апеллируют к гораздо более высокому и, главное, консолидирующему, устраниющему межэтнические противоречия уровню идентичности, нежели этничность. В политической сфере общенародная идентичность выражена формулой «Империи». Как не упомянуть здесь идею Г.П.Федотова – видного мыслителя русского эмигрантского зарубежья – о трех уровнях отечественного общественного сознания: низшем – этническом (региональном), среднем – государственном, а также высшем – имперском¹¹. Только имперская форма государственного устройства обеспечивает общенародное един-

ство, надежно подавляя темные этнические инстинкты, которые Леонтьев именует «племенными».

Утверждая или, хотя бы, провозглашая такую форму, мы неизбежно отворачиваемся от имманентного и в очередной раз по ходу нашего анализа обращаемся к трансцендентному. Апелляция коллектива НИРСИ к Православию – осмысленная или инстинктивная – как раз и является подтверждением закономерности такого обращения. Выбор прост и беспощаден: либо имманентное западничество со всем прилагающимся к нему пакетом «европейских» ценностей, включая распространение на Россию и постсоветское пространство планов «еврорегионализации», либо сохранение и упрочение суверенитета. Но эффективно это получится только на трансцендентной основе.

В обсуждаемом документе данная дилемма, к сожалению, формально не акцентирована, но, по сути, заявлена, хотя и недостаточно четко. Желающих поставить ее правомерность под сомнение с помощью апелляции к советскому атеистическому опыту отошли к изысканиям Н.А.Бердяева, тонко подметившего в марксизме, особенно в русском, сильное влияние идеализма, выступающего «приводным ремнем» как революционных преобразований («рационализация иррационального»), так и последующего государственного строительства («Третий Интернационал как русская национальная идея»).

«...Патриотизм великого народа, – подчеркивал мыслитель, – должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив»¹² (курс. – Авт.).

Получается, что приближенный к «Единой России» интеллектуальный центр в целом своевременно уловил усиливающиеся тенденции по поиску «общего идеала будущего», верно оп-

ределив религиозную сферу как наиболее эффективную для конструктивной реализации этих тенденций. Однако он не только не смог четко сформулировать свои идеи, но и, как мы убедимся дальше, фактически спасовал перед ответной реакцией оппонентов-западников. Причем, неизбежность, жесткость,

конъюнктурность и, можно сказать, подлость такой реакции, как и направление главных ударов – на попытки дискредитации партии в глазах упомянутого «креативного меньшинства», а также на провоцирование в ней внутренних конфликтов – не предвидеть было невозможно.

Нравственно-побудительный императив

И так, за публикацией «Нравственной основы модернизации» последовала достаточно широкая, хотя и непродолжительная дискуссия. При этом аргументы противников представленного НИРСИ документа свелись к тому, что предложение об использовании Православия в качестве государственной идеологии:

- противоречит ст. 13 Конституции РФ, запрещающей установление государственной или обязательной идеологии;
- не учитывает светского характера российской государственности, в рамках которой Церковь отделена от государства;
- противоречит нациальному и конфессиональному разнообразию страны и потому является детонатором обострения межрелигиозных отношений и конфликтов;
- не соответствует обязательствам, взятым на себя Россией в рамках международных, прежде всего европейских институтов – Совета Европы, ОБСЕ и др. в сфере прав человека, важнейшими из которых признаются свобода совести и религиозная толерантность; результатом его внедрения стало бы снижение международного авторитета страны – вплоть до ее изоляции.

Кроме того, с принятием данной инициативы существенно осложнились

бы перспективы постсоветской интеграции и т.д.

К сожалению, адекватного ответа на эту критику не последовало.

Напротив, в ряде случаев сами функционеры «Единой России» к ней если и не присоединялись, то оправдывались тем, что партию якобы «неправильно поняли». Упор при этом делался на неофициальности статуса НИРСИ как центра, не обладающего правом говорить от имени партии, на положениях партийного устава, определяющих принятие всех официальных документов съездом, а также на неформальном характере самих партийных клубов, заседание каждого из которых – по отдельности или совместное – признается не более чем интеллектуальной дискуссией.

Во всем этом просматривается внутриэлитное противоречие между политкорректностью, требующей следовать секулярному западничеству как «общепринятой» модели поведения, и усиливающимся кризисом этой модели, объективно востребующим рост социальной и политической роли религии и Церкви, отмечаемый уже и в официальных государственных документах, например, в Концепции внешней политики РФ*.

* В рассматриваемом документе НИРСИ это противоречие демонстрируется просто-таки рельефно: второй раздел – «Патриотизм – это гражданская религия современного общества», по сути, прямо противопоставлен первому – «Религиозное социальное учение, как нравственная основа модернизации».

Следствием постоянного углубления этого противоречия является дезориентация элиты – идеологическая и, следовательно, политическая, вызванная отсутствием понимания возможностей и путей его преодоления (или, если предположить наличие определенного политического заказа, в нежелании их увидеть).

Попытаемся эти пути выявить, рассмотрев как теоретическую (собственно идеологическую) сторону данной проблемы, так и практическую – прикладную, организационную.

В плоскости теории указанное противоречие, на наш взгляд, разрешается внедрением цивилизационного подхода, который требует достаточно подробных разъяснений ввиду не столько сложности, сколько «нетрадиционности» и, как следствие, некоторой трудности восприятия, обусловленной доминированием в последние годы имманентно-западнической парадигмы.

Во-первых, следует понимать, что цивилизация – это отнюдь не «ход от варварства», как считают многочисленные «западноцентристичные» сторонники материалистической школы цивилизационных исследований, а категория, обозначающая определенный культурно-исторический тип. Характеризуясь устойчивостью социокультурных общностей, объединенных религией, мировоззрением, культурой, этничностью, историей, географией, цивилизация сохраняет своеобразие и целостность на весьма продолжительных исторических промежутках. Как убедительно показано в трудах мыслителей всех направлений отечественной евразийской школы, а также П.А.Сорокина, Ш.Н.Эйзенштадта и многих современных российских ученых, в рамках цивилизационного подхода, в отличие

от марксизма, экономика, как и технологии, остается лишь «надстройкой». «Базисом» же признается социокультурный фактор, основу которого составляет религиозная традиция¹³.

Ареалы таких культурно-исторических типов могут совпадать с государственными границами (Россия, Китай, Япония, Индия) или объединять разные государства (Запад, Латинская Америка, арабский мир), или проходить внутри государств, создавая предпосылки для их разрушения (бывшая Югославия, Прибалтика и Западная Украина СССР, современные Украина и Ирак). Иногда даже устойчивые государства-цивилизации сталкиваются с периферийным (лимитрофным) цивилизационным расколом, обусловленным влиянием сопредельных цивилизаций (российский Северный Кавказ, китайские Синцзян и Тибет, индийский Кашмир). Выделяются также претендующие на самостоятельность субцивилизационные культурно-исторические типы (например, шиитский Иран).

Таким образом, видение России самостоятельной цивилизацией сразу же выбивает почву из-под ног сторонников популярной среди российских западников, включая «реформаторов» 90-х годов, концепции «догоняющего развития», так как выясняется, что нужно отнюдь не догонять не такой уж и «передовой» Запад, а, оберегая цивилизационную идентичность, идти своим собственным путем. Признание же первичности социокультурного (религиозного в своей основе) фактора по отношению к экономике избавляет нас от необходимости оправдывать внутрироссийское взаимодействие Православия с Исламом пресловутой «толерантностью»*.

---

* Автору этих строк уже приходилось показывать, что сам этот термин имеет медицинское происхождение и означает не что иное, как утрату организмом иммунитета.

Становится очевидным, что на самом деле внутренние отношения Православия и Ислама поддерживаются не на уровне «холодного» или «теплого» мира, основанного на «цивилизованном диалоге», а имеют куда более глубокие общие корни – цивилизационные. Благодаря этому, ими достигнута высочайшая степень социокультурного единства, выраженного совместной славянско-православной и тюрко-исламской цивилизационной идентичностью, развитие которой исторически происходило на геополитическом пространстве, унаследованном Россией у Золотой Орды. (Видный теоретик евразийства Г.В.Вернадский именует это пространство «месторазвитием» российской цивилизации, классики западной геополитики – от Х.Дж.Маккиндерса и К.Хаусхофера до Зб.Бжезинского – «хартлендом», овладение которым увязывается с обеспечением Западу практически бессрочного глобального доминирования¹⁴⁾.

Во-вторых, на рубеже XX и XXI вв. рядом современных российских ученых (Ю.И.Семенов, Г.А.Завалько) была разработана глобально-формационная модель исторического процесса¹⁵. Заметим, что она весьма далеко выходит за рамки отстаиваемого ее авторами исторического материализма.

Если не углубляться в многочисленные детали, то основу глобально-формационного подхода составляет представление о том, что марксизм, более или менее успешно объясняющий эволюцию человечества в целом, по сути, оказался не в состоянии применить сформулированную им теоретическую модель для выявления особенностей развития конкретных субъектов всемирной истории. Очевидно, в частности, что отнюдь не все государства и группы государств, идентифицируемые с определенными цивилизациями, про-

ходят абсолютно через весь цикл трансформаций, предусмотренный теорией общественно-экономических формаций. Помимо этого, наблюдаются весьма значительные отклонения от сроков перехода тех или иных субъектов всемирной истории, скажем, от феодализма к капитализму или от капитализма к ранней стадии коммунизма – социализму.

Так, Россия, как, собственно, и европейский Запад, к примеру, сформировалась уже после завершения рабовладельческой формации, а США не застали еще и феодальной; кроме того, значительная часть государств «третьего мира» и сегодня остается на докапиталистическом уровне формационной эволюции и т.д.

Либерализм, как известно, решает проблему роли и места государств и цивилизаций во всемирной истории с помощью внедренной М.Вебером теории «больших эпох», к которым относятся Античность, Средневековье и Модерн. С марксистской теорией общественно-экономических формаций ее роднит экономический детерминизм; отличает же поиск концептуальной взаимосвязи между способами производства и социокультурной организацией общества, указывающий на включение в теорию «больших эпох» элементов цивилизационного подхода (пусть и в качестве вторичных, подчиненных).

Появление теории модернизации, разработанной в трудах Д.Белла, У.Ростоу, Зб.Бжезинского и рассматривающей конечной целью традиционных обществ эволюцию в национальные общества западного типа, формирует представление о трансформации современного Модерна в следующую «большую эпоху» – Постмодерн.

Некоторые концепции, апеллирующие к «конечной» миссии Постмодерна, рассматривают его под постистори-

ческим углом зрения, а именно: либо с позиций вселенского торжества ценностей западной цивилизации – уже совершившегося («конец истории» Ф.Фукuyama) или подлежащего отвоеванию в противостоянии с традиционализмом («столкновение цивилизаций» С.П.Хантингтона), либо в неоконсервативной эсхатологической оптике ускоренного приближения «последних времен», являющейся, по сути, не просто возрождением фашизма, но и его экстраполяцией на глобальный уровень.

Причем «глобальный фашизм» Постмодерна рассматривается некоей реставрацией Средневековья, хотя содружательно он отвергает не только секуляризм Модерна, но и средневековую религиозную традицию, подменяя ее унифицирующими квазирелигиозными инновациями и культурами.

В зависимости от происхождения – европейского или американского, подобное прочтение Постмодерна предполагает либо воссоединение христианства в лоне Ватикана (проект «Евразийская империя конца»), либо переход к «новой мировой религии», интегрирующим началом которой ряд документов Римского клуба фактически признает иудаизм (проект «Новый мировой порядок»)^{16,10}.

В рамках теории «больших эпох» подобный прецедент «перескока» с частичной реставрацией не уходящего, а предшествовавшего ему и уже в значительной мере извращенного порядка имел место в виде декларировавшейся идеологами и вождями Французской революции прямой преемственности секулярного Модерна, тесно связанного с эпохой Просвещения, дохристианской Античности как бы в обход «клерикальных» Средних веков.

Из этого следует, что неизменным субъектом всех постмодернистских те-

оретических изысканий является Запад – своего рода «четвертый рейх», отстроенный в конфигурации либо англосаксонского, либо континентально-европейского лидерства, а неизменным же объектом его духовных и геополитических устремлений остается Россия. Причем, либо разделенная между участниками так называемой «группы двух» (*G2* – США и Китаем, либо «нанизанная» на «великоконтинентальную» евразийскую ось «Мадрид – Париж – Берлин – Москва – «Великая Сибирь» (с Монголией и Тибетом) – Дели – Токио».

Возвращаясь к глобально-формационному подходу, отметим, что очевидным фундаментом для его разработки послужило соединение с марксизмом (и, как видим, с либерализмом) различных направлений культурно-исторической школы цивилизационных исследований, прежде всего, циклической концепции О.Шпенглера, рассматривающей цивилизацию высшей и завершающей стадией эволюции локальных культур, теории локальных цивилизаций А.Дж.Тайнби, концепции этногенеза Л.Н.Гумилева¹⁷.

Благодаря подобному подходу, указывается место каждого государства или цивилизации в перечне сменяющих друг друга формаций и «больших эпох» – «от» и «до». Для этого разработчиками глобально-формационного подхода вводится новая научная категория – «параформация». С одной стороны, она обозначает отдельные исторические субъекты, каждый из которых не может претендовать на полное отождествление себя с определенными формациями («эпохами»), а с другой – показывает степень воздействия этих субъектов на всемирную историю, в том числе опережающего, запускающего сам механизм их

смены*. (Наглядным примером такого опережающего воздействия служит Октябрьская революция 1917 г. в России).

Ввиду рассмотрения всеми основными западными политическими теориями взаимоотношений Запад – Россия через призму субъектно-объектных связей и отношений, а также установленной нами выше самостоятельности и, подчеркнем, самодостаточности российской цивилизации, принятие глобально-формационного подхода создает идеино-теоретический фундамент для сохранения российской субъектности путем укрепления собственной ценностной системы в противовес навязывающейся западной.

Ясно, что особая роль здесь просто не может не принадлежать русскому Православию, а также его институтам, прежде всего РПЦ. Кроме того, очевидно также, что предпринимаемые Православием в этом направлении усилия просто-таки обречены на всестороннюю поддержку со стороны российской мусульманской уммы и ее духовных институтов, других традиционных конфессий.

Рассмотрение данного тезиса в рамках внедряемого Западом эсхатологического мышления, особенно в части его постисторической проекции на geopolитику, дополнительно обостряет российско-западные ценностные про-

тиворечия, побуждая активизировать и инкорпорировать в сферу светской политики сформулированную православной метафизикой роль российской цивилизации как «удерживающей» человечество от попыток определенных глобальных политических сил искусственно приблизить «последние времена».

Иначе говоря, глобально-информационный подход не позволяет «завершить историю» преждевременно, выдвигая условием такого завершения достижение западной цивилизацией полного глобального доминирования и одновременно препятствуя этому в ключевом звене, которым является формирование Западом соответствующей квазирелигиозной метафизики.

В-третьих, сочетание цивилизационной самостоятельности и самодостаточности России с глобально-информационным видением роли и места нашей страны во всемирной истории указывает на ее особую проектность, выраженную вышеупомянутой метафизической формулой «удерживающей».

В принципе, проектность свойственна любой состоявшейся (то есть, сформировавшей опорную государственность) цивилизации, ибо заложенная в ее социокультурном фундаменте религиозная идея (идеал) стремится к внутренней и внешней ценностной экспансии, плоды которой пожинает осваива-

* Типология парапрограммий, приведенная Г.А.Завалько и Ю.И. Семеновым, включает пять основных групп – восходящие, боковые, нисходящие, периферийные, возникшие в противовес капитализму. Рассматриваемые в привязке к ним конкретные парапрограммии включают абсолютное большинство обществ, сложившихся в рамках тех или иных формаций.

Так, к «восходящим» парапрограммиям отнесены общества древней Греции и Рима, Каролингской империи и абсолютистских режимов; к «боковым» – общества древней Спарты, средневековой Европы, городов Северной и Средней Италии и Московской Руси; к «нисходящим» – общества Римской империи и, возможно, современного Запада; к «периферийным» – крепостнические общества, рабовладение в южных штатах США, общества «зависимого» капитализма авторов миросистемной теории, а также нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии; к «возникшим в противовес капитализму» – общества СССР и «стран-изгоя»: Ирана (с 1979 г.), Ливии (с 1969 г.), Ирака (при власти партии Баас)¹⁵.

ющая захваченное пространство материальная «надстройка» – экономические структуры (валютная, финансовая и торговая системы) и технологии¹⁸.

Важно осознать, что современный Запад под видом «общечеловеческих» ценностей экспортирует прежде всего не принципы и правила демократии и рыночной экономики и не права человека, а собственную проектную идею. Но не автохтонную христианскую, а секулярную, извращенную многовековым отступлением от христианских корней западной цивилизации, которое началось с упоминаемого А.Дж.Тойнби переноса «мирового (проектного. – Авт.) центра» в Англию, внедрения в этой стране в период Реформации протестантизма, поражения Контрреформации и выхода англиканской Церкви из-под духовного контроля папского престола, а также формирования регулярного масонства – тайного проектного института, призванного противостоять тайной же проектной деятельности католического ордена иезуитов. Именно эта проектная экспансия, центр которой в середине XX столетия переместился в США, и именуется сегодня глобализацией.

Путем замены цивилизационных ценностных кодов собственными, не только секулярными, но и постмодернистскими (то есть, фашистскими), Запад пытается встроить Россию в свой глобальный проект, окончательно похоронив российскую (и не только) проектность. Главные теоретики цивилизационного подхода на Западе – тот же

Тойнби и, в особенности, Хантингтон, этого и не скрывали. Хорошо известна формула Хантингтона «*The West and the Rest*» («Запад и остальные»). Советник Б.Н.Ельцина А.И.Ракитов в октябре 1991 г. от имени перекрасившихся из коммунистов в либералы российских западников открыто призывал «сломать защитный пояс русской культуры и перестроить спрятанные за ним механизмы исторической наследственности»¹⁹.

Представления о цивилизационном подходе и отражающей его проектности подводят нас к закономерностям ее эволюции. Главная из них выглядит следующим образом: несколько последовательно осуществляемых проектов образуют проектную преемственность.

История знает только две цивилизации, оказавшиеся способными непрерывно продлевать свою преемственность на протяжении нескольких проектов. Это Запад и Россия. Так, Запад двигался от Священной Римской империи с проектным центром в католическом Риме через протестантскую Реформацию и секулярное Просвещение к капитализму, а от него – к современному постиндустриализму с центром в англосаксонском мире; Россия – от Киевской к Московской Руси, от них – к Российской империи и СССР*.

Однако после распада СССР в России началась не завершившаяся до сих пор проектная пауза. В условиях усиления западной проектной экспансии ее продолжение угрожает ликвидацией нашей проектности как таковой**.

* Особенность Китая и Индии в том, что эти государства-цивилизации не осуществляли внешней проектной экспансии и принялись за это только сейчас. Поэтому говорить об их исторической роли в таком русле, в каком нами обсуждается роль Запада и России, по-видимому, неправомерно. (Авт.).

** Рискнем предположить, что удержались мы в 90-е годы только благодаря упомянутому противоборству, которое вплоть до событий 11 сентября 2001 г. велось на Западе между сторонниками «конца истории» и «последних времен»; после этих событий, когда указанные тенденции фактически объединились, спасительную роль сыграло прекращение распада и консолидация российского общества.

Из этого, прежде всего, следует, что противостояние Запада и России – не просто межцивилизационное, но проектное, то есть, фундаментальное, непреодолимое, обусловленное внутренними потребностями каждой из цивилизационных идей не только к внутренней, но и к внешней экспансии. Поэтому особенно важным именно для осмыслиения перспектив восстановления российской проектности является тезис о бессмысленности конкуренции с западной цивилизацией на секулярном проектном пространстве в условиях, когда апостасия (процесс отступления от христианства. – Авт.) не только доминирует в западном обществе, но и безоговорочно подчинила себе его ключевой традиционный проектный институт – Римско-Католическую Церковь (РКЦ).

Важно в связи с этим понимать, что единая христианская (как и единая мусульманская) цивилизация – миф, который успешно эксплуатируется секулярными элитами исключительно в силу духовной безграмотности современных «цивилизованных» обществ. В религиозной среде хорошо известно, что между западным и восточным христианством, например, существует комплекс непреодолимых противоречий, исключающих их цивилизационное примирение и проявляющих себя, начиная с догматики (расхождения во взглядах на Живоначальную Троицу) и заканчивая церковной политикой (в католической оптике главным праздником является Рождество Христово, в православной – Его Воскресение, то есть Пасха).

Св. прп. Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы выразил свое отношение к этим противоречиям коротким, но емким афоризмом: «С латинянами никаких дел иметь не можно».

Поэтому очевидное преимущество России перед Западом в проектной сфе-

ре заключается как раз в предпосылках возрождения традиционной цивилизационной проектной идеи, создаваемых укреплением внутреннего Православия и Ислама и их стратегического цивилизационного союза.

Здесь мы переходим из теоретической плоскости к практическим мерам, способствующим разрешению упомянутого противоречия между секулярным западничеством российской политической элиты и очевидным усилением влияния религиозного фактора на развитие как внутренних, так и глобальных процессов.

Прежде всего, отметим, что, в отличие от записных критиков деятельности руководства РПЦ и Духовных управлений российских мусульман, сосредотачивающихся, как правило, на поиске внутренних и межконфессиональных противоречий, само священноначалие как этих, так и остальных традиционных российских конфессий давно уже наладило не только диалог, но и достаточно эффективное взаимодействие по целому ряду общественно и политически значимых проблем.

В качестве «площадок» такого взаимодействия широкую известность, в частности, приобрело ежегодное проведение Всемирных Русских Народных Соборов, деятельность Движения «Народный Собор», а также их заинтересованное и конструктивное освещение в различных Интернет-ресурсах и т.д.

Парирование же наиболее «убийного» с точки зрения критиков обсуждаемого документа НИРСИ («Нравственная основа модернизации») обвинения в «неконституционности» предложения о внедрении «политической мифологии» и «государственной идеологии», построенных на ценностях Православия, потребует от автора повторить некоторые из тезисов, высказанных около года назад на Интернет-сайте упо-

мнянного Движения «Народный Собор». Итак, «...Привычным аргументом о конституционном запрете на идеологическую монополию, а также о «свободе» совести и слова может и должен быть противопоставлен морально-нравственный императив. Идеологию следует рассматривать не как искусственные, навязываемые сверху «установки», а в качестве переведенной на общедоступный язык нормы, отражающей основные постулаты базовой цивилизационной идеи. То есть системы ценностей, имеющей не политическое, а духовно-нравственное происхождение, тесно связанной с Православием как религией и Верой, обеспечившей не только формирование централизованной русской, а впоследствии и российской государственности, но и создание в ее рамках особой цивилизации – русско-евразийского «хартлнда». (Причем, цивилизационное начало

здесь, разумеется, первично по отношению к геополитическому).

Поэтому совсем не обязательно закреплять такую идеологию институционально, как это имело место в СССР или, например, в современной Белоруссии.

...Достаточно представить идеологию в качестве не юридически обязывающего, а нравственно-побудительного императива, базирующегося на традиционной системе ценностей, которой государство, отвечая на запрос общественного большинства, руководствуется при проведении повседневной политики. (То есть, например, если большинство однозначно требует запрета содомитских «парадов», то мнение соответствующих «меньшинств» необходимо не только игнорировать, но и подавлять – в интересах сохранения и упрочения общественной морали, нравственности и стабильности)²⁰ ».

Модернизация как проектное возрождение (вместо выводов)

Имеет смысл предварить предлагаемые краткие выводы ответом на весьма актуальный политический вопрос, навеянный итогами общественно-политической дискуссии вокруг «Нравственной основы модернизации».

Итак, почему информационная атака на представленный НИРСИ документ, никак не вытягивающий не только на доктринальность, но даже и на соответствующую заявку, была столь стремительной, жесткой и, если можно так выразиться, истерической?

Ответ прост. Даже в теоретической возможности постановки «партией власти» вопроса о консерватизме и модернизации в цивилизационном ракурсе наводнившие российские СМИ либералы-западники, а также их зарубежные «хозяева» усмотрели потенциальную угрозу выхода страны из-под

двадцатилетнего идеологического, а, следовательно, политического и геополитического контроля.

Не оправдываться нужно было партийцам за сотрудничающий с ними институт, а отстаивать выдвинутую им идеологическую позицию как единственно верную, не отдавая оппонентам ни единой пяди! Развернуть вокруг представленных тезисов НИРСИ мощную идеологическую работу, одновременно устранивая противоречия и шероховатости, подготавливая перевод данной темы из области теории в практическую плоскость соответствующих политических решений и установок.

Впрочем, ничего еще не проиграно: развитие ситуации внутри страны и вокруг нее, а также в мире, в целом, со всей неизбежностью и в ближайшем будущем вновь поставит вопрос о пе-

реходе к цивилизационной самоидентификации. Причем, происходит это будет даже в том случае, если появление «Нравственной основы модернизации» было обусловлено привходящими, ситуативными, в том числе конъюнктурными обстоятельствами, например, «ассиметричной» реакцией на рост протестных настроений в ряде регионов и проявляющуюся на их фоне тенденцию оппозиционной консолидации.

Таким образом, нашупав у «свидомых» оппонентов-западников это уязвимое место, определим, исходя из этого, узловые «точки» собственного идеино-политического багажа.

ПЕРВОЕ. Модернизация – это, прежде всего, восстановление проектности, а вместе с ней – и проектной преемственности.

Проектность, в свою очередь, – это апелляция к цивилизационной идее, наиболее органичным выражением которой являются сформировавшие цивилизацию ценности религиозной традиции. Важно четко усвоить, что вне рамок этой традиции собственной проектности не существует. Возможно лишь присоединение к чужому проекту (в данном случае – западному) со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе в виде практической реализации на территории России и бывшего СССР планов «еврорегионализации».

При наличии этого понимания можно заимствовать любые технологические инновации где угодно без угрозы утраты суверенитета. Упоминавшийся К.Н.Леонтьев (окончивший жизненный путь монахом Оптиной пустыни) прямо указывал: «...своя идеология, неважно чьи техника и технологии».

Одной из фундаментальных причин, обеспечивших успех сталинской модернизации (в отличие от всех попыток двух последних десятилетий) явилось

неукоснительное соблюдение этого условия.

ВТОРОЕ. Политическим (и геополитическим) выражением российской проектности служит традиционная имперская форма, объективно противостоящая современным западным представлениям о глобализации.

В конституционном, государственно-правовом смысле империя может быть и федерацией, но по своей сущности она является союзом народов и именно поэтому обладает устойчивостью, позволяющей переносить даже такие экстремальные нагрузки, как нашествия Наполеона или Гитлера.

Империя обеспечивает незыблаемость единой государственности, формируемой стержневым народом. Одновременно она дает выход в историю входящим в нее малым народам, а также выдающимся их представителям равне с русскими. Разрушение империи приводит к выходу из-под контроля узкой националистической разрушительной стихии – этнической, племенной. Всесторонняя деградация общества в этом случае происходит невиданными темпами.

История на множестве примеров учит, что разрушить империю снаружи практически невозможно. Единственно эффективный способ – взрыв ее изнутри, именно путем разрушения союза народов. И Российской империя, и Советский Союз сполна испытали действие этого способа на себе. Завершившая «перестройку» акция по «сбросу» имперских окраин, осуществленная в 1991 г. в виде разрушения СССР под прикрытием демагогии о «демократии», «правах человека» и «рынке», обернулась не только геополитической катастрофой, но и настоящей личной трагедией для миллионов соотечественников вне зависимости от их этнической и теперь уже государственной принадлежности, места жительства, уровня

образования, социального и профессионального статуса.

ТРЕТЬЕ. Если «Единая Россия» будет готова рассмотреть проблему своей идеологии через призму цивилизационного подхода, то у партии появится по-настоящему мощный идеологический фундамент, апеллирующий не к абстрактному и не к «европейскому» «консерватизму», а ко всей тысячелетней отечественной проектной преемственности.

Да и сам термин «консерватизм» в таком обличье сразу же обретает конкретность, завершенность и идеологическую целостность, действительно превращается в настоящую партийную доктрину.

Для начала отметим, что «по умолчанию» в такую идеологическую конструкцию оказывается вписаным и императив постсоветской интеграции – альфа и омега любой сколько-либо успешной модернизации.

Разумеется, программно-политический разворот в рамках цивилизационной парадигмы исключает продолжение огульного очернения советского периода, в особенности сталинской его части. «Вне игры» оказываются, прежде всего, идеологические заигрывания с Западом, ибо они означают не что иное, как сдачу позиций и идеологическое разоружение, за которым следует разоружение политическое и военное.

ЧЕТВЕРТОЕ. В отношении тесно связанной с советским периодом исторической личности И.В.Сталина выскажем следующее мнение.

В сложнейших условиях первой половины XX столетия Сталину удалась трансформация революционно-космополитического проекта «мировой революции», бесповоротно отрицавшего весь предыдущий исторический опыт России, в логически-естественное про-

должение ее проектной преемственности. 9 мая 1945 г. – это триумф не интернационального большевизма, а традиционной российской имперской идеи, осуществленный совместными историческими усилиями всех имперских народов. (Ведущая и руководящая роль в этом русского народа самим Сталиным подчеркивалась особо²¹).

Именно под этим углом зрения, по-видимому, следует рассматривать слова Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия I, произнесенные им 9 марта 1953 г. в Патриаршем соборе в день похорон И.В.Сталина: «...Упразднилась сила великая, нравственная, общественная сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которую он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которую он утешался в течение многих лет»²².

Нынешний беспрецедентно высокий уровень общественного доверия к вождю, фиксируемый практически всеми социологическими центрами и службами, верность такой оценки подтверждает.

Таким образом, постоянные нападки на Сталина имеют (несмотря на очевидную разницу в масштабах) ту же самую природу, что и истерика, устроенная в либеральных СМИ в связи с появлением «Нравственной основы модернизации». Их фундаментальная цель – отделить от народа и противопоставить ему вождя как символ и руководителя советского проекта. После этого ни самого проекта, ни проектности как таковой уже не существует, и страну, лишенную смысла исторического бытия, можно «брать» голыми руками.

Именно эти задачи ставят перед собой те, кто двигает по глобальной «шахматной доске» фигурами пуб-

личных «лидеров» современного Запада*.

Являясь органичной частью западного проекта, либералы-западники внутри российской власти и вокруг нее никогда не согласятся с возрождением отечественной проектности, ибо давно уже определили место России как страны, лишенной собственной проектной

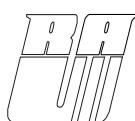
идеи, собственных ценностей, безвольно плетущейся в фарватере так называемого «цивилизованного мира». Поэтому строить государственную политику в отношении их лидеров и представляемых ими политических идей и сил следует с четким осознанием и осмысливанием непреложности этого факта.

Примечание

- ¹ Нравственная основа модернизации // <http://lj.rossia.org/users/anticompromat/733048.htm>.
- ² Ростовский М. Долой светскую власть! // Московский комсомолец. 2010. 16 февраля.
- ³ Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010. 66 с.
- ⁴ Назад в будущее. Редакционная статья // Ведомости. 2010. 3 февраля; Веретенникова К. Россия XXI века от ИНСОР: слава КПСС, государственная измена и кабинетный идиотизм // <http://www.regnum.ru/news/1249906.html> и др.
- ⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные сочинения. М., 1990.
- ⁶ Исаев А.К. Наш консерватизм // <http://www.molgvardia.ru/groupchanges/2009/09/28/9921>.
- ⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Ст. V.4 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
- ⁸ Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к О.И. Фуделью // Восток, Россия и Славянство. М.: ЭКСМО, 2007. С. 727, 733.
- ⁹ Обозреватель–Observer. 2009. № 11. С. 30–33.
- ¹⁰ Цит. по: Парвулеско Ж. Путин и евразийская империя. Пер В.И. Карпца. СПб.: Амфора, 2008. С. 111–112, 322–333.
- ¹¹ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Русская идея. Сб. Сост. Маслин М.А. М.: Республика, 1992. С. 413.
- ¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 109, 118, 120.
- ¹³ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997; Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1993; Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Айрис-пресс, 1999.
- ¹⁴ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2002. С. 43–50; Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Рольф, 2002. С. 32–34 и др.
- ¹⁵ Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. Проблемы. Идеи. Концепции. М.: URSS, 2005. С. 231–236.
- ¹⁶ Лейбин В.М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М.: Политиздат, 1982. С. 230.

* Как провидчески указывал М. Вебер, «...Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Дело берут в свои руки профессиональные политики, находящиеся вне парламентов...»²³ (курс. – Авт.).

- ¹⁷ Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Рольф, 2001. С. 5–18; Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис-пресс, 2006; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х томах. М.: Мысль, 1998. Т. 2.
- ¹⁸ Хазин М.Л., Гавриленков С.И. Развитие и взаимодействие глобальных проектов // http://worldcrisis.ru/crisis/110296?PARENT_RUBR=wc_glpr; Хазин М.Л. Реконфигурация квадратуры круга // http://worldcrisis.ru/crisis/110293?PARENT_RUBR=wc_glpr.
- ¹⁹ Материалы II съезда Народной партии Свободная Россия. М., 1991. С. 114.
- ²⁰ Павленко В.Б. Церковь и государство: сложится ли «симфония»? // <http://narodsobor.ru/default.asp?trID=378&artID=5763>.
- ²¹ Сталин И.В. Выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. // Правда. 1945. 25 мая.
- ²² Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 3.
- ²³ Цит. по: Антология мировой политической мысли / Ред. Семигин Г.Ю. В 5-ти томах. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 21.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2010 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.